

Игорь Потоцкий

Из Мексики – о любви

*

Между двух слов – «уйди» и «стой» –
целая жизнь, остальное – неважно.
Вот ты смеешься вновь надо мной,
смейся и дальше. Мне это не страшно.
Кем ты была – поцелуйной лафой,
лавой, где, впрочем, одно твое тело,
вовсе не злой, но совсем не простой,
бабочкой мне на ладонь прилетела.
Бабушка нам напророчила мед
уст и касание взглядов и пальцев,
жизнь, что, как скорый вагон, проскользнет,
только любви не должны мы бояться.
Девочка-девушка-женщина-мать,
я научился тебя понимать!

*

Прости, что ты с другим, а я с другой,
что в городе безумств и одиночеств
ты снова затерялась между строчек,
написанных дрожащею рукой.

*

Ты вздрагивала, а я замирал.
Луна в окно подглядела,
как медленно я постигал
ноты твоего тела.

*

Пан играет на свирели,
облака порозовели,
море плещется волной
под вечернюю луну.
А в соседнем перелеске
возникает свет не резкий,
не боящийся утрат,
ангелы над ним парят.
Свет задумчивый и строгий
вспыхнет на витой дороге,
а потом погаснет вдруг,
будто выскользнет из рук.
И вот этой ночью сладкой
поцелуемся украдкой
от деревьев и луны,
и войдем друг другу в сны.
Что там в снах, пойдем едва ли,
будто не туда попали,
будто утро стелет дым
над отчаяньем своим.

*

От тебя осталось много и мало –
губ летящих облако, злая пурга,
осень, где ты по небу легко летала,
и ручей звенящий, и злая река.

На ее стремительных поворотах
миллионы брызг и немислимых слез,
а потом твой дом, перед ним – ворота,
а над ним горошины крупных звезд.
Мы с тобою были – как две мишени
для друзей, приятелей и родни.
Обо мне говорили они: мишугенер,
на него с любовью ты не смотри.
Я таким и был – сумасшедшим малость,
я тебе читал чужие стихи,
заставляя питаться небесной манной,
сочинял немислимые грехи.
По Одессе шлялись мы днем и ночью,
целовались всласть и в любви клялись.
Я не телом владел твоим – только дрожью
твоих длинных, словно столетье, ресниц.
Ты одна мои странности понимала,
никогда со мной не была строга...
От тебя осталось *много* и *мало* –
губ летящих облако, злая пурга.

*

Нет заботы, нет печали,
черти были и пропали,
все заметены песком,
и внезапно грянул гром.
Он гремит напропалую,
он хохочет и басит,
он не верит в никакую
славу, от нее бежит.
Он несется, как собака,
слепленная полумраком,
он рычит, как страшный зверь,
и куда-то ищет дверь.
Осень. Время листопада.

Дождь. По телу снова дрожь.
Листьев желтая громада
спрашивает: ты идешь?
Я мечусь, как птица, в клетке,
и как соловей на ветке,
я стараюсь подпевать
рати. Но откуда рать?
Рать дождинок очумелых
не вернет своих коней.
Только вдруг кристально белый
снег ложится у дверей.

